

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ

Значительную роль в жизни Ивана IV суждено было сыграть священнику Сильвестру, новгородцу родом. Неизвестно, когда он переехал в Москву. Во всяком случае, произошло это ранее 1545–1546 гг. Сильвестр получил место в кремлевском Благовещенском соборе, вероятно, благодаря покровительству Макария, знавшего Сильвестра по Новгороду.

Благовещенский собор был семейным храмом царской семьи. Неудивительно, что скромному священнику удалось близко познакомиться с государем.

Благовещенский поп, «последняя нищета, грешный, неключимый, непотребный раб Сильвестришко» (так скромно именовал себя священник), выделялся своим бескорыстием в толпе сребролюбивых князей церкви. Положение при дворе открыло перед ним блистательные перспективы. При его влиянии он без труда мог занять доходное епископское место или пост настоятеля монастыря. Но он никогда не умел устроить своих

дел. После пожара Сильвестр имел возможность получить «протопопствие» и даже официальный пост царского духовника, но не воспользовался случаем. Начав карьеру священником Благовещенского собора, он закончил жизнь в том же чине.

Новгородец Сильвестр принадлежал к образованным кругам духовенства. Он имел большую библиотеку. Некоторые книги он получил от Ивана IV из царского книгохранилища.

Грозный немало обязан был Сильвестру своими успехами в образовании. Но после разрыва царь перестал признавать умственное превосходство бывшего наставника и наградил его нелестным прозвищем — «поп-невежа». Этот эпитет свидетельствовал скорее о раздражении царя, нежели о невежестве Сильвестра.

Известно, что Сильвестр составил или, во всяком случае, отредактировал знаменитый «Домострой». Формально он посвятил этот сборник наставлений своему сыну Анфиму. Но имеются основания предполагать, что Сильвестр имел в виду также и молодого царя. Иван IV, только вставший на стезю семейной жизни, нуждался в советах, тем более что он сам рос сиротой. На первых страницах «Домостроя» Сильвестр учил веру в Бога и тут же переходил к теме, «како чтити детем отца духовнаго и повиноваться им во всем». Обязанности Ивана IV по отношению к его отцу духовному были расписаны во всех подробностях. Питомцу надлежало призывать духовника «к себе в дом часто», к нему приходити и приношение ему давати «по силе», советоваться с ним часто «о житии полезном», «како учити и любити мужу жену свою», как каяться, как покоряться перед духовником во всем, а если духовник будет о ком-нибудь «печаловатися», как его «послушаться». Припоминая свои взаимоотношения с Сильвестром, царь писал много лет спустя, что, следуя библейской заповеди, покорился благому наставнику без всяких рассуждений. Через «Домострой» наставник действительно старался всесторонне регламентировать жизнь государя: учил, как следует посещать церкви, вершить всевозможные житейские дела.

Придет время, и царь будет жаловаться на притеснения, которым Сильвестр подвергал его во время богомолий и на отдыхе. Как видно, поп был учителем строгим и требовательным. Когда ученик восстал против авторитета священника, он произнес много горьких слов. При Сильвестре, сетовал царь, даже в малейших и незначительных делах «мне ни в чем не давали воли: как обуваться, как спать — все было по желанию наставников, я же был как младенец». Что бы ни говорил питомец много лет спустя, пора ученичества не прошла для него бесследно.

Благовещенский поп обратил на себя внимание царя в дни московского пожара. В то время как придворные старались «ласкательством» завоевать расположение молодого царя, Сильвестр (по словам Курбского) избрал роль пророка, сурового пастыря и обличителя, не боявшегося сказать правду в лицо. В дни бедствий священник явился перед Иваном, «препяще ему от Бога священными писаньями и срозе заклинающе его Страшным Божиим Судом». Ради спасения царя поп «кусательными словесы нападающе» на него, как бритвою «режущее» непохвальные нравы питомца.

Курбский изобразил взаимоотношения «блаженного» пастыря и закоренелого грешника Ивана в традициях житийной литературы. Но суть дела он уловил верно. «Кусательные слова» царь не забыл до последних дней жизни. В юности Грозный терпел и даже ценил резкость наставника, зато после разрыва с ним воспоминания о пережитых унижениях стали для царя источником невыносимых душевных терзаний.

Сильвестр принадлежал к числу глубоко верующих людей. У него случались галлюцинации, он слышал небесные голоса, ему являлись видения. В придворной среде немало злословили по поводу новоявленного пророка. Даже Курбский, хваливший царского наставника, смеялся над его «чудесами». По словам этого писателя, Сильвестр злоупотреблял легковерием Ивана, рассказывая ему о своих видениях («аки бы явление от Бога»). Не знаю, замечает Курбский, были эти чудеса истин-

ными или же учитель выдумывал их ради того, чтобы напустить на ученика «мечтательные страхи», унять его буйства и исправить «неистовый нрав».

Первоначально наставник ограничивался поучениями житейского толка. Лишь сближение с главным деятелем реформ Алексеем Адашевым открыло перед Сильвестром более широкое поле деятельности.

Рассказы Сильвестра производили на Ивана потрясающее впечатление. Священник зажег в его душе искру религиозного чувства. Иван увлекся религией и вскоре преуспел в своем увлечении. Он ревностно исполнял все церковные обряды. В минуты нервного напряжения он получал знаки свыше. Под стенами Казани перед последним штурмом 23-летний царь после многочасовой молитвы явственно услышал звон колоколов столичного Симонова монастыря.

Были обстоятельства, объясняющие меру влияния Сильвестра на воспитанника. Достигнув совершеннолетия, Иван IV далеко не сразу приноровился к роли самодержца. Дела управления не давались ему. Казалось, что он попал не на свое место.

Сильвестр был тем человеком, который помог Ивану осознать свою роль. В своих посланиях пастырь благословлял избранного Богом монарха, «самодержца вечна, православныя веры истинного наставника, на Божия враги крепкого борителя, Христовы церкви столпа неколебимого». Священник внушал Ивану мысль о его исторической миссии, состоявшей в защите и утверждении истинной веры по всему свету. Покорение Казани, учил Сильвестр, есть лишь исполнение Божественной воли, «зело бо хочет сего Бог, дабы вся вселенная наполнилася православия».

Сильвестр выражал убеждение, что московский царь осенен той же благодатью, что и Константин Великий, утвердивший христианство в Византии. Самодержец всея Руси Иван «Божиею благодатию уподобися царю Костянтину, тою же царскою багрянницею обложен есть, те же правоверния хоругви в Руку своею благочестно содержит».

Послание Сильвестра царю было написано, бесспорно, под впечатлением победы над Казанью. Учитель старался внушить самодержцу, что его ждут громкие победы над неверными: «...и поклонятца тебе все царие земстии и вси языци поработают тебе».

После великого московского пожара 17-летний Иван дал Сильвестру первое личное поручение. Священник должен был восстановить роспись кремлевских соборов, пострадавшую от огня. Сильвестр вызвал иконописцев из родного города и, «доложа царя государя», велел им браться за дело. Стены Золотой палаты покрылись нравоучительными картинами, изображавшими юношу царя в образе то справедливого судьи, то храброго воина, то щедрого правителя, раздающего нищим золотники. Средствами живописи Сильвестр надеялся оказать воздействие на эмоции питомца и вскоре преуспел в этом.

Священник вел беседы и писал послания Ивану, посвященные разнообразным темам. Одной из них была тема «содомского греха». Царь не должен позволять своим придворным и дьякам «в такое безстудие уклонятца»: «искорениши... содомский грех и любовников отлучиши, без труда спасеши».

Сильвестр старался убедить царя в том, что ему нужно новое, благонравное и беспорочное окружение, достойное великих деяний. И пожар, и междоусобица (мятеж), и заблуждения людские — все это ниспослано Богом в наказание за грехи. «И тебе, великому государю, — увещевал пастырь, — которая похвала в твоей великой области множество Божиих людей заблудша? И на ком то вся взыщет?»

Государю пора осознать свою ответственность за все потребности, происходящие в царстве: «Вся сия законопреступления хошет Бог тобою исправить».

Мысль о божественном происхождении царской власти много значила для Ивана. Он никогда бы не простил советнику обличений, если бы не это обстоятельство. Церковь сыграла выдающуюся роль в обосновании политической теории самодержавия.